

Поэт, литературный критик, журналист. Родился 29 июля 1986 года в подмосковном городе Жуковский. Окончил МГТУ им. Н.Э. Баумана с красным дипломом, пять лет преподавал теоретическую механику. Автор двух поэтических сборников: "Априори" (2010) и "Перед грозой" (2014). Один из основателей культурного арт-проекта "Мужской голос". Постмодернист.

ночь. улица. и я иду домой.
мне холодно. и мне уже под тридцать.
и так огромность неба давит тьмой,
что хочется к чему-то прислониться.
и я не знаю, в общем-то, к чему —
к забору, женщине, работе — или к Богу.
когда-нибудь, конечно, я пойму,
ботинками нащупаю дорогу.

дождь застревает в волосах берёз
вне логики, вне времени, вне места.
сырой асфальт в мои ступни пророс.
ночь. улица. а далее по тексту.

* * *

Молчал футбол, зато трещали сойки:
поправят чёлку или туфлю — ойк!
Я был один. Я пил у барной стойки
какой-то виски, кажется, лафройг.
Блондиночка сидела в полупрофиль
за пару идиотов от меня.
Иди сюда, допей уже свой кофе,
который без задора и огня.
Иди сюда, иди на перекрёсток
моих больших и неуклюжих лет.
Давай вот так, давай легко и просто.
Ты чудо, сделай мне покоя нет.
Потом она начнёт давить на жалость,
потом она исчезнет без следа.
Я пил один, и виски не кончалось,
как будто бы не ехать никуда.
Такой футбол. Смешались негры, бутсы.
В такси с концами потерялась нить.
Ложись на пузо, чтоб не захлебнуться,
когда тебя опять начнёт тошнить.
Мне снилась подготовка строевая,
сержант измятый был слегка поддат.
И женщина, земли не задевая,
прошла среди некошенных солдат.

* * *

Ты, наверное, мой телефон отовсюду затёрла?
Я хочу позвонить, но тревожить под вечер не буду.
Если грусть проявляется в области носа и горла,
значит, грусть — это хитрая форма нехитрой простуды.
Я лечусь, как могу. Сигареты слегка помогают.
Самолёты пока помогают, но этого мало.
Почему-то не может помочь никакая другая.
(Ты бы знала, как я не хочу, чтоб она помогала!)

Если ты полечить вдруг решила меня бы сама, я
подскочил бы, собрался, приехал к тебе на метро бы.
Но ведь это — нельзя, и, конечно, я всё понимаю.
И потеря — немногое, чем обладаешь до гроба.
Никакой интернет, и тем более — библиотека
не вольны провести эту грань — между чёрным и белым.
Ты меня научила любить одного человека,
но теперь я умею любить человечество в целом.
И пускай ты уверена: созданы мы для иного.
И пускай у других ничего никогда не срасталось.
У меня для тебя есть хорошая глупая новость:
у меня для тебя есть хорошая общая старость.

* * *

Не живи ни в Москве, ни в Белграде —
и, глядишь, доживёшь до седины.
Князь Кропоткин кропает в тетради
сочинение номер один.
Доискался до ультима туле,
но пока ничего не нашёл.
В человеке, сидящем на стуле,
отражается письменный стол.
Представителей каждого класса
ожидает особенный крах.
Дым Отечества, пепел Клааса,
клятва на Воробьёвых горах.
Ты родился не греко-, не афро-,
всех на свете за это кляня,
не живи ни сегодня, ни завтра —
послезавтра живи за три дня.
Князь намеренно с краю ложится,
выставляет бочок в темноту.
Но приходит не волк, а волчица
в самом трепетном волчьем цветку.

На брёвна похожие трубы
 похабно торчат из-под снега,
 прорвавшись весомо и грубо
 оттуда, где "сотки" и "Сега".
 Косое футбольное поле
 промежду котельной и дуркой.
 А вот приближаются к школе
 Ваню (то есть я) вместе с Юркой.
 И вроде ни светлого лика,
 ни речи особенно бойкой.
 Дурак дураком, а гляди-ка —
 владеет заправкой и мойкой.
 И ведь не за так, не задаром.
 Степенным становится, чинным.
 А я всё общаюсь по барам
 да праздную хэллоуины.
 — Ни дом не прикупишь, ни катер,
 да нет и супруги поди-ка?
 На что ты хоть деньги-то тратишь?
 — А знаешь ли, по эвридикам.

Для огромных людей баобабы похожи на саженцы:
 исполинов лепили из плит пирамиды Хефрена.
 У виниловых волн я сидел бы, пока не покажется,
 что нащупал сюжет, а не слышу сплошные рефрены.
 Так бы утро прошло, обжигающий полдень и заплотдень —
 я дождался бы часа, когда удлинняются тени
 и горячее солнце сливается с морем на западе —
 непременно часа пахучих вечерних растений.
 Я бы сбросил одежду и обувь, и мысли, и знание,
 я бы бросился в воду и плыл бы к черте горизонта...
 Я смотрю в пустоту, я один — и не знаю заранее,
 захочу ли когда-то касаться Эвксинского Понта.
 Пустота не проходит, её не заполнишь заливами,
 бестолковым вечерним купанием, запахом соли.
 Только глупые люди бывают и правда счастливыми,
 только глупые люди и боги небесные, что ли.
 Бесконечная скука, поганенький маркер мыслителя.

А зачем ещё фаустам снятся потешные черти?
Есть ли смысл какой-то? По-моему, это сомнительно.
Только боги и глупые люди не чувствуют смерти.
Поедят и попьют, подерутся, пойдут-искупаются
и не будут скучать, или будут — но радостно, что ли.
А в премудрости грех. Возле моря и он искупается.
Отпусти мне его, nereida, пропахшая солью!

* * *

Она и он "классический сюжет"
страдания закадрового мужа.
Покоя нет и воли тоже нет,
и смерти нет, а есть чего похуже.
Но им, переплетённым, невдомёк,
ведь адюльтер всегда немного сказка.
Она и он, и вдоль, и поперёк,
хорёк и ласка.
Спеша под душ, потом спеша под муж,
пожалуй что, она забудет серьги.
Обезоружь его, обезоружь,
коснись бедром стареющих энергий!
Кассирша одинокая в фойе,
космическая пропасть кинозала.
Хрустит попкорн, потеет бытие.
Она ему опять не отказала.
Немного на Олимпе лютеран,
такие застревают где-то между.
Смеются боги, смотрят сквозь экран
и щупают богинь поверх одежды.